

ЭПИСТЕМОЛОГИЯ ВЛАСТИ: ПОТЕНЦИАЛ ФИЛОСОФСКОЙ МЕТОДОЛОГИИ ДЛЯ ЮРИДИКО-ПОЛИТОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ИНСТИТУТА ПРЕЗИДЕНТСТВА

Аннотация. В статье указано, что далеко не все аспекты деятельности института президентства как интеграционного института государственной власти могут быть урегулированы правовыми и политическими средствами. По своей сущности, научное изучение данного института тесно связано с попыткой человечества решить философскую проблему создания идеальной правовой модели организации государственной власти. В связи с этим целью данной статьи выступает обоснование возможностей использования метода эпистемологического анализа для более глубокого познания феномена президентства. С помощью методов исторического, сравнительного анализа демонстрируется тот факт, что сегодня человеческий разум по-прежнему выстраивает осмысление института президентства фактически вслепую. Это «размывает» природу политического и права в его составе, приводя к их искажению, препятствуя эволюционному развитию.

Новизна статьи состоит в позиционировании института президентства как феномена, по своей изначальной сущности базирующегося на философско-эпистемологическом каркасе и рефлексивном процессе. Поэтому автор утверждает, что оторванность института президентства от данных составляющих, наблюдающаяся в современных условиях, противоречит самой природе явления. Эпистемологическая парадигма сравнивается в работе с рациональной, а также с возможностями юридико-политологического инструментария при анализе явления. Автор считает, что сопутствующие исследуемому феномену мультипарадигмальность и междисциплинарный базис рефлексии определяют перспективность его познания в данном направлении. Применяя системный подход к философским категориям, автор предполагает, что каждый «парадигмальный» локус и каждый элемент института президентства обладает своей эпистемологией и онтологией. Обоснованный в статье эпистемологический подход претендует на определенную новизну и результативность в связи с его методологической комплексностью, позволяющей выступить своеобразным катализатором эволюции института президентства за счет переосмысления его составляющих, учесть в синтезе институциональные и внеинституциональные факторы, обуславливающие его развитие. В то же время в статье признаются определенные ограничения использования данного подхода как методологического инструмента анализа.

Ключевые слова: эпистема, институт президентства, президент РФ, президентство, эпистемология власти, эпистемологическая компетентность, юридико-политологическая рефлексия, рефлексия власти, эволюция института президентства, философский анализ.

Необходимость углубленного научного исследования института президентства как неотъемлемого явления в системе государственного управления, присутствующего сегодня в более чем 150 странах мира, приобретает особое значение в современной науке и практике. В актуальных условиях институт президентства

представляет собой феномен, легитимирующий статус, полномочия, компетенции, обязанности и особенности деятельности важнейшего для большинства государств органа государственной власти, который обладает исключительным политико-правовым и фактическим статусом, не идущим в сравнение ни с одним из органов, составляющих

государственную систему. Принятие решения об учреждении президентства в Российской Федерации в 1991 г. инициировало новый этап в развитии отечественной государственности и свидетельствовало о готовности восприятия государственно-политических институтов демократических стран. В то же время учреждение данного поста не означало параллельной и одномоментной институализации одноименной структуры в России. Состоявшийся процесс заимствования института, попытка его адаптации в российских условиях как новой структуры не привели при этом к комплексному осознанию статуса, назначения и функций президентства в политико-правовой системе общества, не создали условий для системной рефлексии данного феномена как базиса его эволюционного развития, что создало последующие объективные, нарастающие по своей сложности проблемы.

Доктринально-концептуальные основы института президентской власти были разработаны недостаточно, и результатом его введения не стало теоретически ожидаемое ключевое изменение сложившегося механизма государственного управления. Скорее, определенный период наблюдалась ситуация легитимации властных полномочий нового органа, в основе которых еще присутствовали атавизмы прежнего государственного строя и механизма управления государством – в том числе высокая централизация власти, авторитарный оттенок ее осуществления.

Особенность института президентства заключается в том, что он обладает конституционно-правовой и политической природой. Однако исследователи в области как политических, так и юридических наук¹ не зря определяют его как интеграционный институт, цель которого направлена на согласование деятельности институтов государственной власти. Подобная характеристика свидетельствует о том, что далеко не все аспекты деятельности института президентства могут быть урегулированы правовыми и политическими средствами и выявлены юридико-политологическими методами². Многообразие

ведущихся на протяжении нескольких веков исследований института президентства в контексте юридических и политологических наук, к сожалению, в должной мере не приблизило современного человека к постижению истины о путях, проблемах его функционирования и развития. Сегодня очевидно, что комплексность института президентства как научного феномена требует использования методологии различных наук для его всестороннего анализа. Как закономерно отмечается в исследовании И.П. Кененовой, по своей сущности, научное изучение данного института, его эволюции имеет неразрывную связь с попыткой человечества решить глубоко философскую проблему создания органичной (идеальной) правовой модели организации государственной власти. Поскольку именно от эффективности ее решения зависят ответы на текущие вопросы правового, политического и социального характера, возможности совершенствования действующих моделей института президентства в национальных измерениях³. В связи с этим целесообразность приобретает более пристальное обращение к проблемам познания президентства как института власти с использованием методологического потенциала философии, в частности, эпистемологического, что обусловлено его вполне справедливым позиционированием рядом исследователей⁴ как метадисциплинарного знания с растущим пределом релевантности.

Дополняя тезис, высказанный в исследовании А.М. Пятигорского и О.Б. Алексева⁵, можно выдвинуть мысль о том, что юридико-политологическая рефлексия института президентства, осуществляемая без ее эпистемологической составляющей, – это неполная, «дефективная» (согласно термину вышеупомянутых авторов) рефлексия, независимо от того, над объектом или субъектом она будет производиться. Ведь целью научного познания, в состав которого входит и познание рефлексивное, выступает производство именно эпистемной информации, знания (или всеобщих и необходимых

¹ См.: Дегтев Г.В. Становление и развитие института президентства в России: теоретико-правовые и конституционные основы. М.: Юристъ, 2008. 237 с.; Зуйков А.В. Институт президентства или вариации на заданную тему // Сравнительное конституционное обозрение. 2008. № 5. С. 35-52.

² Зуйков А.В. Институт президентства или вариации на заданную тему // Сравнительное конституционное обозрение. 2008. № 5. С. 36.

³ Кененова И.П. Вертикаль исполнительной власти» и некоторые конституционно-правовые проблемы современного цикла развития власти в России // Государственная власть и местное самоуправление. 2007. № 3. С. 4.

⁴ См., напр.: Бардаков А.И. Эпистемология власти и культуры в концептологии // Политическая концептология. 2009. № 4. С. 55.

⁵ Пятигорский О.М., Алексеев О.Б. Эпистемологическое послесловие о политической философии // Размышляя о политике. М.: Новое издательство, 2008. 192 с.

истин) в отличие от обыденного, практически утилитарного или других видов познания⁶. Именно при наличии эпистемологической составляющей можно говорить о возможности острой рефлексии юридико-политического компонента в поле института президентства. Однако российский институт президентства, в котором доминирует опора на административный источник в противовес публично-правовому ресурсу (в отличие от западных стран), в настоящее время дополнительно, фактически искусственно дистанцируется как объект от научной рефлексии, осложняя ее осуществление, но при этом не снижая ее актуальности.

Изучая президентство с помощью эпистемологического инструментария как комплексный, интегративный феномен, присутствует необходимость в процессе рефлексивного познания вычленивать и подвергнуть анализу структурные компоненты института – политику, право и власть – не только как относительно самостоятельные, но и как качественно различные явления, где власть является составляющей как первого, так и второго элемента. В рамках различных философских направлений исследователи, рассматривающие развитие форм власти, политико-правовых элементов, предлагают различные, а порой и взаимоисключающие корреляции, взаимодействия и варианты решения обозначенной проблемы. В связи с этим нельзя сказать, что попытки использования инструментария философии для осмысления юридико-политических реалий и явлений не предпринимались ранее. Мы не беремся утверждать их как неоспоримую и насущную инновацию. Однако считать их завершенными к настоящему моменту не представляется возможным. Во-первых, важно подчеркнуть, что практически каждый из индивидуумов, причастных сегодня к рефлексии, пониманию политического и правового в той или иной степени познания, в том числе обыденного и утилитарного, полагает себя творцом юридико-политических явлений и категорий. Не исключение составляет и институт президентства. Такая позиция приводит нарушению пропорций политического и правового в его системе как объекта абстрактного и объекта актуального. Кроме того, практически все политические идеологии прошлого, как и правовые системы потерпели падение, оставив, по сути, человечество без инструментария постро-

ения теории и практики политической жизни, ее правовых основ и перспектив, в том числе в части функционирования высших органов государственного управления.

Тем не менее, нельзя не признать, что оправданность применения философского в целом и эпистемологического, в частности, инструментария, для данных целей в науке пока остаются дискуссионными. Причина подобного видится в том, что импликации упомянутого инструментария и построения с его помощью теории, знаменующей действительный научный сдвиг, должно предшествовать полное развенчание, когнитивный кризис привычных взглядов, подходов, установок и другого знания. Только на подобной основе может произойти радикальное переосознание политического прошлого, политической действительности и их политической рефлексии, которая уже много веков вплоть до наших дней конструируется и воспроизводится человеком. Однако это несет очевидную угрозу устойчивости не только системы государственного управления, но и включенному в нее институту президентства, форма которого в качестве гаранта стабильности, общественного и государственного благополучия уже прочно вошла в повседневное мышление наших современников, стала неотъемлемой частью ежедневного существования и повседневной осмысленной деятельности. В связи с этим в качестве «защитной реакции» возникает ситуация непрерывной универсализации юридико-политологических концепций, доктрин, парадигм и основ функционирования и развития института президентства на базе знания отрефлектированного прошлого. Создается некий набор «клише», дублируемых с определенными вариациями различными обществами и государствами и постепенно утрачивающих свою истинную природу. При этом подобное происходит в условиях растущей политической интенциональности в социуме, представляющей собой направленность мышления индивидуума на себя и на все окружающее как на политическое. Интенсивность рефлексии в данном случае многократно возрастает, ее градус накаляется. Создается ситуация, когда человеческий разум выстраивает осмысление института президентства фактически вслепую. Из эпистемологического типа «погруженной» в юридико-политическое «элиты» (оперируя субъектной градацией по шкале политической эпистемологии) человечество все больше смещается к массам «политического бессознательного». Между

⁶ Лебедев С.А. Философия науки: Словарь основных терминов. М.: Академический Проект, 2004. С. 253.

тем, в этом состоянии рефлексия президентства как феномена и, тем более, института, минимальна, глубинные архетипы особо сильны и тщательно хранимы. Более того, современная политическая практика в ее теоретико-методологическом осмыслении с использованием потенциала философии свидетельствует о росте неких «мутаций», когда самый низший тип рефлексии – нулевая эпистемологическая компетентность в политическом и правовом поле приравнивается к ненулевой: массы пребывают в убеждении, что они есть составная часть элиты, элиты «выдают» себя за части массы и т.д. Дальнейшие вариации эпистемологического процесса могут быть еще более усложненными на всех уровнях, «размывая» природу политического и права, приводя к их «эрозии» и многократному искажению в системе президентства как государственного института, препятствуя его эволюционному развитию. Это положение в России, в частности, усугубляет сложившаяся гибридная, смешанная модель президентства, теоретически стремящаяся к компромиссности, но в то же время исторически ориентированная на «сильного» главу государства, вертикаль власти, допускающая возможность его объектного доминирования – над другими государственными органами с их частичной или полной подменой, «компетенционной экспансией» как в системе власти, так и в сознании социума. В сознании масс институт президентства в РФ представляет собой особую политико-правовую надстройку над всеми ветвями власти, при этом орган, имеющий явную персонифицированную окрашенность. Сам институт президентства как объект осмысления уже давно редуцирован до уровня субъектного восприятия, т.е. президента как политико-правовой фигуры, представляющей собой высшее должностное лицо в государстве, наделенное широкими скрытыми полномочиями и имеющей недостаточное количество властных ограничений, и в то же время личности. Однако рефлексия личности в большинстве случаев имеет источником политическое и психологическое, а не юридическую составляющую. Аналогичное присутствует и в реальности, где в настоящее время мы наблюдаем аксиологические суждения о президенте как личности и субъекте власти, а не его личной конституционной ответственности как должностном лице. Практически отсутствуют реальные прецеденты оспаривания актов главы государства как ненормативных в Высшем Арбитражном суде или как неконституционных, нарушающих права

юридического или физического лица, – в Конституционном Суде при присутствии Президента в качестве ответчика, отсутствует практика гражданских исков (подобные прецеденты были активно зафиксированы в период президентства Б.Н. Ельцина) и т.д. В связи с этим мы часто сталкиваемся с термином «институт президента», а не «президентства» при характеристике российской государственной системы. Таким образом, мы имеем дело с редуцированием объекта до субъекта власти, которому рефлексия приписывает абсолютное и в то же время герметичное по своему характеру знание действительного положения вещей в государстве и политике и самого себя, закрытое от любого внешнего знания и воздействия. Это знание может являться как полным, так и неполным, правильным или ошибочным. Его абсолютность состоит в том, что в каждый данный момент рефлексии это знание не может быть заменено никаким другим, а лишь подвергнуто самокоррекции, результаты которой затем могут быть экстраполированы на правовой и фактический уровни.

Утверждая, что эпистемология значительно расширяет исследовательский потенциал ученых в формулировании рефлексивных оценок и суждений, направленных на интерпретацию характеристик политических и правовых составляющих института президентства, необходимо подчеркнуть, что корреляция права с прошлыми и нынешними реалиями власти в его объектном поле достаточно затруднена. Надежды на то, что высшая власть в государстве обретет сугубо правовые формы и будет осуществляться в рамках правовых основ, регулярно рассеиваются действиями политических систем. Более того, в XX и XXI столетии, говоря об институте президентства, оперируя положениями, отмеченными в исследовании С.С. Неретиной и А.П. Огурцова, можно наблюдать «обратный процесс – проникновения политики, отождествляемой с властью, во все сферы жизни»⁷, в том числе и право. В российском институте президентства сегодня также наблюдается усиление управленческих функций, окрашенных высокой степенью политизированности и доминирующих над реализацией конституционных полномочий органа. Деятельность исследуемого органа более тяготеет к исполнительной ветви государственной власти: Пре-

⁷ Неретина С.С., Огурцов А.П. Концепты политического сознания // Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований. 2009. № 1. С. 30.

зидент РФ участвует в выработке государственной политики в различных сферах, в то же время осуществляя постоянный контроль за ее реализацией, а при необходимости – корректировку, что наиболее было выражено в последние годы, в частности, в области решения таких проблем, имеющих высокую политическую остроту, как реализация топливно-энергетической программы, «монетизация» социальных льгот, принятие решений об исключении предприятий из числа стратегических, наконец, модернизации государственной службы (ее видов) страны и т.д. Таким образом, юридическая природа объекта в значительной степени подменяется в рефлексии политической. Эти же тенденции диктует и философская мысль, в которой, несмотря на достаточно широкую парадигмальную матрицу явления президентства, в его рефлексии преобладает ситуация, когда политическая реальность жестко организует феноменальное бытие. Более редко мы наблюдаем ситуацию, когда в объектной рефлексии институт президентства репрезентируется не как феномен в реальности, а как его желательный или требуемый образ, теоретически сдвинутый в область различных доктринально-парадигмальных интересов. В этом случае рефлексия феномена президентства приобретает определенную свободу, получаемую не столько за счет каких-либо внутренних эпистемических установок, а по причине отсутствия институциональных обязательств.

Следует подчеркнуть тот факт, что в современных условиях юридико-политические явления, в частности, институт президентства, не могут быть подвергнуты интерпретации исключительно с помощью рациональных доводов. Ни в коем случае не отрицая рациональный инструментарий как таковой, отметим, что рациональность подменяет институт президентства как политико-правовую категорию парадигмальной матрицей, выступающей внутренним пределом анализа феномена. Рациональная аргументация тяготеет к репрезентации завуалированного проявления «воли к власти», превращения в своеобразный «инструмент внушения» взамен рефлексии, «размышления над размышлением». Такая ситуация приводит к росту потенциала слабых парадигм. Между тем, в эпоху перехода к инновационному обществу, в котором преобладает индустрия знания, слабые парадигмы будут лишь «раскачивать, разрывать» когнитивно узкие места имплицитной парадигмы института президентства. За рефлексивно-дифференцирован-

ным пониманием такого феномена, как институт президентства, как мы полагаем, должен стоять принципиально особый взгляд на сущность политико-правового действия и системно иной уровень функционализма познавательных практик. Сопутствующие феномену мультипарадигмальность и междисциплинарный базис рефлексии предопределяют перспективность его познания и в то же время вызывают ситуацию риска несовместимости его концептуальных и парадигмальных значений и гармоничного инкорпорирования в жизненный уклад смысловых пространств. В результате в различных локусах бытия, политических и правовых доминант, структурирующих социум, основой «экзистенции» анализируемого феномена может стать специфическая, множественно реконструированная идентичность, черпающая ресурсы своего изменения в сложившемся «топологическом» многообразии.

Ресурсы рефлексии института президентства видятся и в постепенном разрушении исторически фундированной в современном обществе по отношению к высшим властным институтам «культуре молчания»⁸. В исповедующем подобную культуру обществе первая становится инструментом политических группировок, одобряющих «молчаливую» лояльность населения, а последнее отделено от власти, в особенности президентской (как ее высшего воплощения в системе государственных органов) и, несмотря на номинальные конституционные основания своей активности, не принимает творческого участия в ее преобразовании⁹. В результате складывается ситуация деконструкции, когда имплицитные, как, впрочем, и эксплицитные, парадигмы института президентства формируются узким сообществом специалистов в области политической и юридической науки и практики (отнюдь не всегда принадлежащих к эпистемологической элите); далее посредством определенных процедур они разделяются на порции, которые в качестве доступной «пищи для рефлексии» распределяются между массами. Последние просто «усваивают» ее в этом готовом виде. Создание генеративных контекстов и отношений, которые формируют новые возможности конструирования бытия института президентства как феномена, в этом случае остается под большим вопросом.

⁸ Freire P. The Politics of Education. Culture, Power, and Liberation / Transl. by Macedo D. London: Bergin & Garvey Publishers, Inc., 2009. P. 57.

⁹ Там же. P. 51.

Однако нельзя не признать, что обоснованность повышения эпистемологической компетентности масс как базиса рефлексивного познания института президентства выглядит перспективной, но в текущих условиях достаточно дискуссионной, ввиду своей проблематичности. Необходимым образом оно пока в контексте сегодняшнего политико-правового развития государств мира, в том числе России, мало обсуждается. Современное общество (независимо от принадлежности к эпистемологическим элитам или массам) стремится всеми способами избежать возможности эпистемологической революции и потрясений. Нужно признать, что это, в частности, связано с тем фактом, что присутствует опасение, что любое обоснование в данной области будет не чем иным, как смещением вопроса об инстанции авторитета в другую плоскость, что может опять-таки привести к разрушению института президентства как гаранта стабильности и Конституции в государственной системе и жизни общества, коренной перестройке государственного устройства.

Вместе с тем следует заметить, что институт президентства по своей изначальной сущности базируется на философско-эпистемологическом каркасе и рефлексивном процессе, и его оторванность от данных составляющих противоречит самой природе явления. Если рассматривать его, в первую очередь как властный институт, то есть как совокупность властных полномочий президента в сфере государственного управления, которые в равной степени производны как от конституционно-правовых норм, регулирующих функционирование президентской власти, так и от политической деятельности главы государства, то можно предположить, что, имея выраженный властный характер, данный институт проявляет свою специфику в своеобразном «прочтении» (декодировании) действующей Конституции и законодательства Президентом как лицом, «исполняющим роль ответственного» и непосредственно несущего ответственность в силу положения, а также под влиянием политико-правовых детерминант и накопленного опыта политико-правового развития института в ходе его эволюции, последний из которых, по мнению исследователей¹⁰, с философской точки зрения, крайне чреват для действительности

мировоззренческими тупиками. В силу этого можно заключить, что президент представляет собой орган государственной власти, содержание компетенций которого должно быть, с одной стороны, не просто определенным, а строгим образом ограниченным в связи с реализацией высших властных полномочий и правомочий в сфере государственного управления. А с другой стороны, уместно в силу тех же аргументов говорить о сохранении их неограниченности, заложенной, в частности, в положениях до сих пор действующей в Конституции РФ ст. 78 (ч. 4), наделяющей Президента России правом осуществления «полномочий федеральной государственной власти на всей территории РФ в соответствии с Конституцией РФ» (однако вместе с Правительством РФ). В подобных условиях выходом видится дистанцирование от жесткой централизации власти в системе государственного устройства, а с другой – создание равноценно «сильной» исполнительной власти с подчинением ее деятельности интересам человека и гражданина, общества, законности. Очевидно, что решение этой проблемы зависит от рефлексии состояния и перспектив развития института президентства. В контексте эпистемологического подхода закономерно вести речь о новом понятии легитимности президентства и окончательном упразднении не только имплицитно, но и эксплицитно выраженного традиционного понятия легитимности (династического), что в особенности актуально для нашей страны, в пользу демократической легитимности как гаранта государственной стабильности. Последняя иницируется убежденностью о том, что власть, особенно высшая государственная, не может иметь иных источников и референтов за исключением «воления подвластных» (однако в России это в последние годы находит отражение только в процессе избрания президента всем электоратом страны), регулируется ими и выступает коррелятом глубоких трансформаций картины мира на уровне эпистемы (автономия разума, новые идеалы научности и т.д.)¹¹. Устойчивость эпистемы соотносится с одноименной устойчивостью идейно-политического, политико-правового и собственно политического каркаса феномена и взаимнообратно.¹²

¹⁰ Паречина С.Г. Институт президентства: история и современность / Под общ. ред. Е.В. Матусевича. Мн.: ИСПИ, 2003. 163 с.; Пономарева Н.Д. К вопросу о политико-эпистемологических ориентирах современного общества // Власть. 2010. № 9. С. 66-67.

¹¹ Шмитт К. Политическая теология / Пер. с нем.; заключит. ст. и сост. А. Филиппова. М.: КАНОН-пресс-Ц, 2000. С. 77.

¹² Ремизов М. Политическая теология как политическая эпистемология // Русский журнал. Вып. от 14.07.2006. (URL: http://old.russ.ru/politics/grammar/2000087_remizov.html (дата обращения: 15.08.2014)).

Необходимо отметить, что мы не выделяем в качестве доминирующей в рефлексии института президентства исключительно правовую составляющую. Как это может показаться. В этой связи представляется примечательным взгляд, высказанный в работах В.О. Лобовикова¹³, апеллирующего, в свою очередь, к трудам Юстиниана¹⁴. Исследователь определяет право как сложную систему, состоящую из трех основных компонентов: (1) естественного; (2) позитивного и (3) обычного¹⁵ с редуцированием современной философской практики исключительно ко второму из названных аспектов. Этот подход можно, с долей условности, экстраполировать и на правовую составляющую института президентства, в целом. Между тем, реальная практика деятельности современного института президентства, в особенности российского, как уже подчеркивалось, характеризующегося наличием и ростом числа широко толкуемых, скрытых и избыточных, экстратекстуальных полномочий, неопределенностью статуса, когнитивно-оценочной обусловленностью и корреляцией поста и фигуры главы государства как личности и другими факторами, вступающими в откровенный диссонанс, демонстрирует, что подобное принципиальное абстрагирование, мало обращающее внимание на выходящую за пределы позитивного права и других составляющих институт компонентов действительность, в сегодняшних условиях

все более становится недостаточным. В рефлексии данного феномена справедливо подходить к нему в целом и его составляющим (власть, политика, право), в частности, как сложной синтетической системе, выступающей качественно новой основой для «возрождения» института президентства. Сегодня теория российского института президентства предстает во многом как феномен с исторически застывшим содержанием, тогда как необходимо введение в язык этой теории исторически меняющегося содержания, построенного на познании и признании исторических основ как «исторической школы» современности. Кроме того, сегодня в условиях «исторически меняющегося содержания» ощутимо необходимо введение в язык этой теории нравственных (морально-правовых, морально-политических) переменных и функций (ценностных). Политическое и правовое в институте президентства неизбежно проявляется через людей, адекватно отражая их качества, ценности, выявляя смысл существования общности людей, определяя общие интересы всех субъектов политики и права, то есть участников данной общности, вырабатывая допустимые для них правила поведения, распределяя между ними функции и роли, наконец, создавая общепонятный для всех субъектов язык, способный обеспечить эффективное взаимодействие и взаимопонимание¹⁶. Являясь по своей сути, как уже подчеркивалось, высшей регулятивной, организационной сферой общества отдельного государства, институт президентства не обладает индульгенцией дистанцирования от морально-ценностного всех участников сообщества (пусть и преломленного целесообразностью и справедливостью в политическое и правовое), независимо от их дифференцированности по эпистемологической компетентности. Это можно определить как эксплицитное выражение институализации президентства. В противном случае невозможно сформулировать качественно новое содержание института и его составляющих, представив их как эволюционирующую и полноценную двустороннюю систему, в которой президент санкционирует систему права и, с другой стороны, институционально поддерживается и обеспечивается правом, базирующемся на исторически сформировавшемся ядре общечеловеческих, демократических цен-

¹³ Лобовиков В.О. Государство как машина (механизм) и право как программа (Алгоритмы и творчество; бытие и материя; восприятие и ощущение; понятие и мышление, числа и вещи, сознание и подсознание) // Естественное право: современная теория и ее приложение к экономике: Критика политической экономики: совершенная конкуренция и абсолютная монополия; состояние равновесия и предпринимательство; laissez-faire и государственное управление рынком. Математическая философия экономики и права / Науч. ред. Н.В. Бряник. Ч. 1. Екатеринбург: Институт философии и права УрО РАН, 2003. С. 275-289; Лобовиков В.О. Единая теория права: математический аспект (Алгебра поступков как дискретная математическая модель единства позитивного, естественного и обычного права) // Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН. 2002. № 17. С. 304-358.

¹⁴ Дигесты Юстиниана: Избранные фрагменты / Пер. и примеч. И.С. Перетерского; отв. ред. Е.А. Скрипилев. М.: Наука, 2009. 456 с.

¹⁵ Лобовиков В.О. Единая теория права: математический аспект (Алгебра поступков как дискретная математическая модель единства позитивного, естественного и обычного права) // Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН. 2002. № 17. С. 304.

¹⁶ Ирхин Ю.В. Взаимосвязь политики, морали и права // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 1999. № 1. С. 8.

ностей и морали, воли общества, интегрированных в историческое развитие самого института и его регулятивы.

Таким образом, можно заключить, что институт президентства все более явно сегодня выстраивается в сложную парадигмально-дифференцированную структуру, обусловленную универсализацией специализированного знания и контекстов. В силу своего главенствующего положения в иерархии государственного управления и правомочий, конституционно-правовой значимости, парадигмальной сложности оно не может потерять свой элитарный статус и стать массовым – если вести речь о позициях и степени вовлеченности в рефлексию. Но может приблизиться в данном направлении как стратегический субъект рефлексивного управления с целью изменения вектора протекания рефлексивных процессов с деконструктивного на конструктивный или их интеграции.

Возникает закономерный вопрос о том, существует ли риск абстрагирования до утопичности при использовании эпистемологического инструментария в отношении института президентства. Ведь, как известно, еще у Платона¹⁷ в управлении идеальным государством (что можно экстраполировать и на государственные органы, в частности, институт президентства) главным постулировалось знание, поскольку во главе его мыслителем ставились, прежде всего, философы, находящиеся в непрерывном восхождении по пути совершенствования знания, сущность которого так и остается непостигнутой до конца. Политическое в утопиях вытекает из эпистемологического, однако при попытках практической реализации этот принцип вновь и вновь сталкивается с дилеммой – он трансформируется в исключительную рациональность¹⁸.

К рефлексии как теории, так и практики утопических моделей государственного устройства нас сегодня ведет логика развития цивилизации. Сегодняшний глобальный системный кризис, завершающий эпоху власти денег и силы (в связи с их перепроизводством), а также других ценностей символического обмена, охватывает и реализацию президентской власти. В этих условиях исследо-

ватели и практики все более обоснованно ведут речь о приходе эпохи политики и права эпистемологического характера¹⁹. Проблема традиционного эпистемологического подхода в данном случае будет заключаться не столько в опасности редуцирования мышления до знания, сколько в неотрефлексированной онтологизации предметов знания и в механическом перенесении этой онтологизации на объекты института президентства – функции, полномочия, компетенции, структуры – как феномены правовой и политической рефлексии. Но тогда знание окажется противопоставленным мышлению, как искусственно созданный порядок противопоставлен естественному. Поэтому очевидно эпистемологическая граница должна сместиться и протекать внутри субъективного и объективного, «наводя мосты» между миром знания и миром мышления. Таким образом, доминирование знания, модель, многократно постулируемая всеми утопиями, уже оказывается недостаточной без рефлексивного компонента – это знание в значении «*episteme*». В то же время нельзя не отметить, что лишение властной составляющей исторически сложившихся доминант (силы, денег), оставляет пока еще аналитическое пространство не до конца заполненным инкорпорируемой в него складывающейся моделью – не ясно, какие формы может принять власть знания, не сведется ли оно в очередной раз в процессе рефлексии к сущей политике и праву или приобретет новые, более современные формы в институте президентства. Последнее сегодня представляется более чем вероятным вариантом развития событий, в условиях которых институт президентства как интегративная система за счет эпистемологического потенциала, как мы полагаем, получит возможность эволюции в направлении соответствия принципам национального разнообразия, а не универсальной идентичности, что позволит конструировать более широкие сценарии взаимодействия, обогащения и глубокого познавательного вовлечения общества. Способствовать этому будут обстоятельства, заключающиеся в том, что каждый «парадигмальный» локус и каждый элемент института президентства как системы обладает своей эпистемологией и онтологией. Он устанавливает атрибуты своего положения, свои принципы, процедуры и механизмы элиминации альтернативных модальностей, поскольку оригинальностью существованию он обязан отгра-

¹⁷ Платон. Государство. М.: Наука, 2009. 576 с.

¹⁸ Калмыков А.А. Эпистемология политики – когнитивы всех стран, соединяйтесь! // Российская политика XXI века: неполитический потенциал политического: Материалы Международной науч. конф. (Москва, 23-24 апреля 2009 г.). М.: РГГУ, 2009. Ч. 1. 324 с. С. 18.

¹⁹ Там же. С. 19.

ничающей его целостности, обеспечивая в то же время ее дальнейшее развитие.

Завершая анализ, следует подчеркнуть тот факт, что институт президентства сам по себе, а в России особенно, продолжает оставаться крайне сложным и многогранным феноменом, предоставляющим ученым и специалистам-практикам (не только в области политологии и права, но и смежных, в том числе неюридических наук) бесконечный источник проблемных вопросов, требующих разработки. По причине вышесказанного осуществлять рефлексию над данным институтом возможно и необходимо в различных направлениях, с учётом разнообразных параметров, переменных, в контексте многочисленных парадигм, концепций и доктрин. Однако обоснованный нами в статье эпистемологический подход все же, как нам кажется, претендует на определённую комплексность, позволяющую не только выступить своеобразным катализатором эволюции института президентства за счёт переосмысления его составляющих, но и учесть в синтезе институциональные и внеинституциональные факторы, обуславливающие его развитие. Это позволит получить относительно целостную картину, демонстрирующую не только природу, но и состояние, перспективы российского президентства не только с позиций сущего и позитивного, но и будущего.

В то же время подчеркнем, что представленные эпистемологические обоснования вовсе не свидетельствуют о том, что философия в нашем представлении претендует на роль специального и единственного научного знания, комплексно объясняющего и прогнозирующего природу и эволюцию института президентства, его будущее как юридико-политологического феномена. Ведь объектом осмысления в данном случае выступает политико-правовая рефлексия, а не действитель-

ность настоящего, которая может быть определена как вторичная и производная²⁰. Осуществляя процесс рефлексии, мы не в силах осмыслить полностью прошлое, настоящее и предсказать будущее института президентства, потому что никак не уверены, что рефлексия в различной периодизации и хронологии будет совершаться в различных терминах и понятиях знания, проистекающих из многочисленных проанализированных факторов и уже апроприированных рефлексией в качестве объектов последней. Многие из этих понятий, если не большинство, выведены и вторичны²¹. Попытки дать ответ на этот вопрос предпринимались во множестве концептуальных схем и моделей, дошедших до начала XXI столетия и устанавливающих корреляции развития политического, правового и других компонентов с эволюцией изменений в научном знании. На наш взгляд, суть эпистемологического подхода к исследуемому в настоящей статье объекту, то есть институту президентства, в качестве начальной ступени в современных условиях его состояния и специфики политико-правовых реалий, должно составить коренное переориентирование юридико-политологической рефлексии сознания о будущем на основе знания о настоящем на знание о настоящем с точки зрения возможных будущих рефлексивных изменений в политико-правовой сфере. Именно это как генерализирующее начало позволит говорить о научном сдвиге в рефлексии исследуемого объекта, позволяющем приблизится к созданию целостного образа феномена, синтезирующего различные, национально обусловленные признаки, заложить императив, который выступит в качестве ключевого регулирующего правила и инструмента реформирования структуры феномена, основы его производства (а не происходящего в настоящий момент непрерывного воспроизводства).

Список литературы:

1. Бардаков А.И. Эпистемология власти и культуры в концептологии // Политическая концептология. 2009. № 4. С. 55-60.
2. Дегтев Г.В. Становление и развитие института президентства в России: теоретико-правовые и конституционные основы. М.: Юристъ, 2008. 237 с.
3. Дигесты Юстиниана: Избранные фрагменты / Пер. и примеч. И.С. Перетерского; отв. ред. Е.А. Скрипилев. М.: Наука, 2009. 456 с.
4. Зуйков А.В. Институт президентства или вариации на заданную тему // Сравнительное конституционное обозрение. 2008. № 5. С. 35-52.

²⁰ Silva L. Epistemological and theoretical challenges for studying power and politics in information systems // Info Systems. 2007. № 17. P. 167.

²¹ Там же.

5. Ирхин Ю.В. Взаимосвязь политики, морали и права // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 1999. № 1. С. 7-15.
6. Платон. Государство. М.: Наука, 2009. 576 с.
7. Калмыков А.А. Эпистемология политики – когнитивы всех стран, соединяйтесь! // Российская политика XXI века: неполитический потенциал политического: Материалы Международной науч. конф. (Москва, 23-24 апреля 2009 г.). М.: РГГУ, 2009. Ч. 1. 324 с. С. 16-26.
8. Кененова И.П. Вертикаль исполнительной власти» и некоторые конституционно-правовые проблемы современного цикла развития власти в России // Государственная власть и местное самоуправление. 2007. № 3. С. 3-14.
9. Лебедев С.А. Философия науки: Словарь основных терминов. М.: Академический Проект, 2004. 320 с.
10. Лобовиков В.О. Единая теория права: математический аспект (Алгебра поступков как дискретная математическая модель единства позитивного, естественного и обычного права) // Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН. 2002. № 17. С. 304-358.
11. Лобовиков В.О. Государство как машина (механизм) и право как программа (Алгоритмы и творчество; бытие и материя; восприятие и ощущение; понятие и мышление, числа и вещи, сознание и подсознание) // Естественное право: современная теория и ее приложение к экономике: Критика политической экономии: совершенная конкуренция и абсолютная монополия; состояние равновесия и предпринимательство; laissez-faire и государственное управление рынком. Математическая философия экономики и права / Науч. ред. Н.В. Бряник. Ч. 1. Екатеринбург: Институт философии и права УрО РАН, 2003. С. 275-289.
12. Лобовиков В.О. Математическая этика, метафизика и естественное право (Алгебра метафизики как алгебра формальной аксиологии). Екатеринбург: Институт философии и права УрО РАН, 2007. 408 с.
13. Неретина С.С., Огурцов А.П. Концепты политического сознания // Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований. 2009. № 1. С. 17-78.
14. Паречина С.Г. Институт президентства: история и современность / Под общ. ред. Е.В. Матусевича. Мн.: ИСПИ, 2003. 163 с.
15. Пономарева Н.Д. К вопросу о политико-эпистемологических ориентирах современного общества // Власть. 2010. № 9. С. 66-67.
16. Пятигорский О.М., Алексеев О.Б. Эпистемологическое послесловие о политической философии // Размышляя о политике. М.: Новое издательство, 2008. 192 с.
17. Ремизов М. Политическая теология как политическая эпистемология // Русский журнал. Вып. от 14.07.2006. (URL: http://old.russ.ru/politics/grammar/2000087_remizov.html (дата обращения: 15.08.2014)).
18. Шмитт К. Политическая теология / Пер. с нем.; заключит. ст. и сост. А. Филиппова. М.: КАНОН-пресс-Ц, 2000. 336 с.
19. Freire P. The Politics of Education. Culture, Power, and Liberation / Transl. by Macedo D. London: Bergin & Garvey Publishers, Inc., 2009. 236 p.
20. Silva L. Epistemological and theoretical challenges for studying power and politics in information systems // Info Systems. 2007. № 17. P. 165-183.

References (transliteration):

1. Bardakov A.I. Epistemologiya vlasti i kul'tury v kontseptologii // Politicheskaya kontseptologiya. 2009. № 4. S. 55-60.
2. Degtev G.V. Stanovlenie i razvitie instituta prezidentstva v Rossii: teoretiko-pravovye i konstitutsionnye osnovy. M.: Yurist', 2008. 237 s.
3. Digesty Yustiniana: Izbrannye fragment / Per. i primech. I.S. Pereterskogo; otv. red. E.A. Skripilev. M.: Nauka, 2009. 456 s.
4. Zuikov A.V. Institut prezidentstva ili variatsii na zadannuyu temu // Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie. 2008. № 5. S. 35-52.
5. Irkhin Yu.V. Vzaimosvyaz' politiki, morali i prava // Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Politologiya. 1999. № 1. S. 7-15.
6. Platon. Gosudarstvo. M.: Nauka, 2009. 576 s.
7. Kalmykov A.A. Epistemologiya politiki – kognitivny vsekh stran, soedinyaites'! // Rossiiskaya politika XXI veka: nepoliticheskii potentsial politicheskogo: Materialy Mezhdunarodnoi nauch. konf. (Moskva, 23-24 aprelya 2009 g.). M.: RGGU, 2009. Ch. 1. 324 s. S. 16-26.
8. Kenenova I.P. Vertikal' ispolnitel'noi vlasti» i nekotorye konstitutsionno-pravovye problemy sovremennogo tsikla razvitiya vlasti v Rossii // Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie. 2007. № 3. S. 3-14.
9. Lebedev S.A. Filosofiya nauki: Slovar' osnovnykh terminov. M.: Akademicheskii Proekt, 2004. 320 s.
10. Lobovikov V.O. Edinaya teoriya prava: matematicheskii aspekt (Algebra postupkov kak diskretnaya matematicheskaya model' edinstva pozitivnogo, estestvennogo i obychnogo prava) // Nauchnyi ezhegodnik Instituta filosofii i prava UrO RAN. 2002. № 17. S. 304-358.
11. Lobovikov V.O. Gosudarstvo kak mashina (mekhanizm) i pravo kak programma (Algoritmy i tvorchestvo; bytie i materiya; vospriyatie i oshchushchenie; ponyatie i myshlenie, chisla i veshchi, soznanie i podsoznanie) // Estestvennoe pravo: sovremennaya teoriya i ee prilozhenie k ekonomike: Kritika politicheskoj ekonomii: sovershennaya konkurentsia i absolyutnaya monopoliya; sostoyanie ravnovesiya i predprinimatel'stvo; laissez-faire i gosudarstvennoe upravlenie ryнком.

- Matematicheskaya filosofiya ekonomiki i prava / Nauch. red. N.V. Bryanik. Ch. 1. Ekaterinburg: Institut filosofii i prava UrO RAN, 2003. S. 275-289.
12. Lobovikov V.O. Matematicheskaya etika, metafizika i estestvennoe pravo (Algebra metafiziki kak algebra formal'noi aksiologii). Ekaterinburg: Institut filosofii i prava UrO RAN, 2007. 408 s.
  13. Neretina S.S., Ogurtsov A.P. Kontsepty politicheskogo soznaniya // Politicheskaya kontseptologiya: zhurnal metadistsiplinarnykh issledovaniy. 2009. № 1. S. 17-78.
  14. Parechina S.G. Institut prezidentstva: istoriya i sovremennost' / Pod obshch. red. E.V. Matushevicha. Mn.: ISPI, 2003. 163 s.
  15. Ponomareva N.D. K voprosu o politiko-epistemologicheskikh orientirakh sovremennogo obshchestva // Vlast'. 2010. № 9. S. 66-67.
  16. Pyatigorskii O.M., Alekseev O.B. Epistemologicheskoe posleslovie o politicheskoi filosofii // Razmyshlyaya o politike. M.: Novoe izdatel'stvo, 2008. 192 s.
  17. Remizov M. Politicheskaya teologiya kak politicheskaya epistemologiya // Russkii zhurnal. Vyp. ot 14.07.2006. (URL: http://old.russ.ru/politics/grammar/2000087_remizov.html (data obrashcheniya: 15.08.2014)).
  18. Shmitt K. Politicheskaya teologiya / Per. s nem.; zaklyuchit. st. i sost. A. Filippova. M.: KANON-press-Ts, 2000. 336 s.
  19. Freire P. The Politics of Education. Culture, Power, and Liberation / Transl. by Macedo D. London: Bergin & Garvey Publishers, Inc., 2009. 236 p.
  20. Silva L. Epistemological and theoretical challenges for studying power and politics in information systems // Info Systems. 2007. № 17. P. 165-183.